

Статья посвящена всестороннему изучению формирования онтологических оснований науки об архитектуре как опыта ее самосознания в контексте эволюции пространственных кодов культурного опыта. Рассмотрены противоречия модернистского определения архитектурной формы, как и в целом становления сциентистского дискурса архитектуры и идентичности профессионального мышления архитекторов. В качестве основной гипотезы предлагается тезис о том, что свободно исторически развертываемая эволюция архитектурной формы является объективным опытом закрепления самосознания архитектуры как текста ее имманентного выражения и автореференции. Установлена ограниченность сциентистского функционалистского дискурса, которая не позволяет сформировать внутреннее основание автореференциального образа архитектурной реальности. Проблематизация онтологических оснований науки об архитектуре выступает необходимым звеном в эволюции методологии архитектурного мышления и формообразования в постиндустриальном обществе.

Ключевые слова: архитектурная форма; диалог; онтологическая основа архитектуры; самосознание; модернизм; наука об архитектуре; язык архитектуры.

The aim of the research is to study the formation of the ontological foundations of the science of architecture as an experience of its self-consciousness in the context of the evolution of spatial codes of cultural experience. The article considers contradictions of the modernist definition of architectural form, as well as the formation of the scientific discourse of architecture and the identity of architects' professional thinking in general. The main hypothesis is based on the thesis that the freely historically unfolding evolution of architectural form is an objective experience of consolidating the self-consciousness of architecture as a text of its immanent expression and self-reference. The authors specify the limitations of the scientific functionalist discourse, which do not allow forming the internal basis for an autoreferential image of the architectural reality. Problematicization of the ontological foundations of the science of architecture is a necessary link in the evolution of the methodology of architectural thinking and form making in post-industrial society.

Keywords: architectural form; dialogue; ontological basis of architecture; self-awareness; modernism; science of architecture; language of architecture.

Противоречия развития науки об архитектуре / Contradictions in the development of architecture science

Для любой научной дисциплины вопрос об основаниях предмета изучения и соответствующей методологии всегда являлся корневым для самоопределения данной области знания. Конечно, если речь идет действительно о знании, претендующем на статус всеобщего и обладающего универсальными языком, кодом означивания информации и прозрачным толкованием цели исследования. Современная архитектура, взятая не только как эмпирически существующая часть жизни общества, обладающая своей историей и определенной «пропиской» в системе аксиологических и семантических полей культурно-антропологического опыта, но и как система знания об этой самой реальности, находится в положении затяжного кризиса. Что само по себе делает актуальным обращение к теме поиска и установления возможных онтологических оснований самосознания архитектурной реальности как метода самоописания и референции.

Цель исследования – всестороннее изучение формирования онтологических оснований науки об архитектуре как опыте ее самосознания в контексте эволюции пространственных кодов культурного опыта. Ключевой предпосылкой исследования является концептуализация западной и отечественной архитектуры как части культурного и социального опыта второй половины XIX – первой половины XX века в качестве уникального периода, который в соответствии со сложившейся историко-культурологической традицией можно обозначить как модерн. Применение данного понятия в рамках архитектуроведческого дискурса выражает не только его междисциплинарную «генетику», но и определенное отношение к классическому периоду развития западной архитектуры и культуры в целом. Использование термина «модерн» в данном случае носит более широкий характер, чем более привычное обозначение западного и русского искусства и архитектуры конца XIX – первой половины XX века. Концепт «модерн», таким образом, отличен от понятий «модернизм» и «постмодернизм». Его эвристическое значение для развития современных научных представлений об архитектурном формообразовании определяется не столько описанием конкретного содержания архитектурных проектов указанного периода, сколько самосознанием культуры того времени,

внутри которого пространственный опыт осмысливается как грань социокультурного становления современного типа общества, опирающегося на научный тип мировоззрения. Иными словами, понятие «модерн» отражает достигнутый к XX веку уровень самосознания архитектуры как области творчества, деятельности и культурного кодирования в качестве пространственного измерения социально-культурного конструктивизма.

Рассмотрены противоречия модернистского определения архитектурной формы (свойственного первой половине – середине XX века), как и в целом становления сциентистского дискурса архитектуры и идентичности профессионального мышления архитекторов. В качестве основной гипотезы выдвинут тезис о том, что свободно исторически развертываемая эволюция архитектурной формы представляет собой объективный опыт закрепления самосознания архитектуры как текста ее собственного выражения и автореференции. Моделью такого самовыражения является диалог.

Архитектурное формообразование в информационном обществе

Ставший сегодня широко распространенным междисциплинарный постмодернистский дискурс говорит о том, что в условиях развития информационного сетевого типа взаимодействия участников социально-культурного обмена архитектура все же получит свое достойное место и как важнейший компонент жизненной среды сообщества, и как научная дисциплина. Но подобный оптимистичный настрой далеко не всегда находит свое должное подтверждение. В первую очередь потому, что остаются непроясненными бытийные корни, фундамент самого предмета – архитектурной реальности.

Несмотря на бурное и успешное развитие прикладных областей архитектуроведения, связанных с динамикой массового строительства (или строительства единичных зданий и сооружений, но изначально направленных на удовлетворение именно массовых потребностей общества, его стереотипизированных представлений о том, каким должен быть облик современного урбанистического мегацентра жизни) и изменением строительных технологий, проектных и инженерных методов,

текст

Марина Дымченко
Донской государственный
технический университет,
Ростов-на-Дону

Светлана Курилова
Донской государственный
технический университет,
Ростов-на-Дону /

text

Marina Dymchenko
Don State Technical
University

Svetlana Kurilova
Don State Technical
University

форм и производственных ресурсов, отсутствует четкое понимание того, что, собственно, представляет собой архитектура в ряду не только достижений научного, технико-технологического и материального прогресса цивилизации. Но что она есть определенный опыт, свидетельствующий или прямо выражающий некую ситуацию человека, общества, культуры сегодня. Как и две тысячи лет назад, во времена появления христианства, когда любое сооружение архитектора было не только ответом на некий запрос общества (например, культовый или политический), но и выражением субъективного переживания мироздания в целом, так и сегодня меняющаяся «каменная» среда обитания человека находится в прямой зависимости от господствующего в массовом сознании чувства и смысла современности.

Парадокс состоит в том, что ультрасовременное здание только тогда будет принято обществом, когда в нем менее всего будет архитектурности как художественного текста. Сознание массового потребителя стремится уйти от чтения такого текста, которое будет выступать со-бытием смыслов и паттернов, а не только отвечать потребностям в комфорте, защищенности и ликвидности. Основание прогрессивной динамики архитектурного формообразования в таком контексте чаще всего связывается с развитием инновационных технологий строительства и с использованием новейших композиционных строительных материалов.

Именно в этом кроется глубинная причина неприятия представителем современного общества, например, готической или барочной архитектурной формы в качестве главного конституирующего элемента жизненной среды. Дело отнюдь не только в том, что такие структуры являются для нас сегодня очевидными знаками прошлого, предметом исторического познания, но не переживания. То событие индивида и общества, которое символически рождается и кодируется в соответствующем архитектурном художественном тексте, есть прежде всего определенный опыт сознания и самосознания. Опыт, в котором всякий раз происходит качественное расширение границ и смыслов повседневности, устоявшейся нормы. Такой переход носит творческий созидательный характер. Рождающий не только предметный мир в пространстве и времени, но и самого человека.

Теория архитектуры: сциентистский оптимизм и онтологический нигилизм

В настоящее время архитектура рассматривается не как автономный «онтологический регион», существующий наряду с опытом скульптуры, живописи, музыки, философского творчества, религиозного обращения и т. д., а как практически ориентированная сфера, главная ценность которой носит сугубо функциональный инструментальный характер. Концепт «онтологический регион» почерпнут из традиции феноменологической интеллектуальной традиции XX столетия, призван специфицировать выделяемые сознанием области действительности как области выражения опыта сознания. Именно под влиянием феноменологии в новейшее время сложился целый ряд подходов, объясняющих сущность архитектуры на уровне природы художественной аффирмации архитектурной формы, в которой первичным конституирующим целостность и тождественность выступает архитектоника, а не «материал» или композиция (М. М. Бахтин [1], Г. Башляр [2], А. Г. Габричевский [3], А. Ф. Лосев [9], Кр. Норберг-Шульц [19], Г. Г. Шпет [16] и др.). И это лишь усложняет задачу, стоящую перед наукой об архитектуре. Ответ на вопрос «для чего?» или «зачем?» ничего не говорит по существу о том, «что?» есть реальность, именуемая уверенно или по инерции архитектурой.

Важно то, что формирование самого научного дискурса архитектуроведения фактически началось только

в эпоху модерна, т. е. по завершении классического этапа развития европейской цивилизационной традиции, который был ознаменован появлением философско-эстетических концепций архитектуры (яркий пример – эстетика Шеллинга и Гегеля). Эпоха модерна стала временем методологического оформления науки об архитектуре (причем и на Западе, и в России), т. е. фактически временем актуализации самосознания архитектуры. Античные, средневековые и новоевропейские концепции ставятся в один ряд с модернистскими взглядами, отражавшими развитие культуры и архитектуры уже в эпоху индустриализации и научно-технической революции [7].

Корень проблемы, составляющий главный вопрос нашей статьи, можно обозначить так: становление и закрепление концептуально-методологического основания научного архитектуроведения в ситуации модерна по своему результату и содержанию сложившегося образа самой архитектурной реальности вошло в противоречие с существованием исторически сложившегося предела самосознания архитектуры как определенной реальности пространственного опыта. Противоречие, развернутое как во времени в историко-культурной дистанции между классическими европейскими архитектурными формами и их динамикой в XX столетии, так и в пространстве: Старый Свет, отдавая дань уважения прошлому, постепенно превращается в один большой «музей» под открытым небом. И остается только искать гармонию между прогрессом технологий и материалов и архитектурным творчеством, новациями в области формообразования.

Другими словами, сциентизированные конструктивистские представления о сущности, специфике и временной динамике архитектуры, существующие на сегодняшний день, отражают лишь одну и очень небольшую грань данного предмета, которая сложилась в ситуации перевода «языка» архитектуры на уровень адаптации к режиму инструменталистско-функционалистского существования архитектуры как ответчика на глобальные запросы общества по обустройству жизненной среды для представителя широких социальных слоев. Возникли совершенно иные критерии «полезности» и стандартизированного «комфорта» архитектурного продукта. Желание тотального переустройства жизненного мира человеческого сообщества прямым образом отразилось на развитии архитектуры и, самое главное, представлений о ее ценностно-смысловом измерении и сущности. Носитель «массового сознания» девальвировал архитектурное творчество, быть соучастником которого оказалось для него непосильной ношей.

Формирование самосознания архитектуры отражало трансформацию архитектуры и профессиональной деятельности архитекторов в условиях кардинального слома традиционного образа жизни. Поэтому справедливее вести речь не о самосознании архитектуры, а об осмыслении новой социокультурной ситуации, в которую оказалась объективно вовлеченной архитектура. А потому остается открытым вопрос: существуют ли иные свойственные самой архитектуре как актуальному опыту пространственного формообразования и структуризации урбанизированной жизненной среды основания для выявления и утверждения собственного самосознания архитектуры? Требуется ли вообще в данном случае поиск неких внешних архитектурному процессу как единству творческих усилий и конструктивных принципов, компонентов или факторов, которые единственно и могут быть точкой опоры для рефлексии архитектуры? Подобный поиск явно был и остается данью рационалистическому канону самого научного познания, сложившемуся на заре современной техногенной цивилизации. Но в таком случае получается, что судить о самосознании предмета архитектуры весьма сложно, точнее, невозмож-

но. Для типичного потребителя продукта деятельности архитектора архитектурный текст сегодня чаще всего является молчаливым венцом умозрительного проектирования. Именно о его «смерти» удовлетворенно написал Ч. Дженкс в своей работе о постмодернистской архитектуре [5, с. 14–24].

Научное архитектуроведение во многом формально действительно может отвечать критериям научности, таким как верифицируемость, истинность, доказуемость, проверяемость на опыте (в данном случае, получается, что строительство как реализация архитектурного замысла и проекта и будет выступать такой проверкой) [8, 15]. Однако остается вопрос: что дает для понимания внутренней логики развития архитектуры как области, выражающей фундаментальный аспект самого человеческого бытия, наличие подобных критериев? Результаты простого описания, классификации стилей или композиционных приемов решения фасадов, орнаментов или каких-то специальных конструктивных методов и техник не позволяют раскрывать основания целостного и уникального универсума смыслов и значений, утверждающих не трансцендентные архитектуре идеи или цели, а полагающие именно саму архитектурную форму методом рождения и актуального опыта переживания (сопереживания) таковых [14].

В качестве примера можно привести феномен европейского рококо. Опираясь на критерии современного сциентизированного архитектуроведения, определить, что такое рококо вообще, не представляется возможным. То ли это «вырождение» барокко, то ли какое-то самостоятельное образование – ответить на эти вопросы сквозь призму абстрактного толкования связи между формообразованием и конструктивным решением сооружения или ансамбля нельзя. И барокко, и рококо далеко вышли за пределы классического ордерного тектонизма. Функциональная нагрузка не объясняет сущность и содержание формообразования рококо, а его генетическая экспозиция, как, например, убедительно показал Фиске Кимбалл, даже мало связана и с итальянским барокко [18].

Гораздо эвристичнее и интереснее было бы задать совсем иной вопрос в контексте обсуждаемой проблемы: не является ли такое развитие архитектурного формообразования опытом сугубо имманентного самосознания архитектурной реальности в Новое время? Опытом самовыявления не раскрытого исчерпывающе в античном ордере, готике и Ренессансе порождающего потенциала смысловразличения и смыслополагания самой формой как таковой. Когда она начинает раскручиваться свободно и независимо от конструкции и тектоники строения, а устанавливает новую совершенно неведомую ранее тектонику пространственного опосредствования жизненного мира субъекта культуры. Мера гармонии барочной или рокайльной формы не поддается количественному анализу и исчислению, которые в современном профессиональном архитектурном сообществе рассматриваются как основополагающие в случае определения научного статуса и профессиональной компетентности архитектурного проектирования. При этом ссыла на историю как некое «прогрессивное» движение предмета во времени также не срабатывает, ибо эпоха архитектуры Дж. Л. Бернини или Г. Гварини, как и любая другая, отсекает моделирование по принципу «отложенного» идеала или будущего золотого века.

Конечно, в данном случае еще очень рано давать исчерпывающий ответ. Однако ясно, что научное архитектуроведение в том виде, в каком оно сложилось в XX столетии, в большей степени было самосознанием профессионального сообщества архитекторов, чем самой архитектуры. Поэтому изначально отторгалась возмож-

ность введения в научный понятийный оборот методов фиксации и выражения процессов аутентичного выражения архитектурного формообразования, самой архитектурной формы. Тогда как теоретическое архитектуроведение, опирающееся на традицию той же феноменологии или структурализма, рассматривает архитектурную форму как суверенный субъект социокультурной коммуникации (например, концепция Г. Башляра [2] или У. Эко [17]).

«Автореференция» архитектурной формы и самосознание архитектуры: перспективы и противоречия

Модернистское толкование сущности архитектуры и архитектурного проектирования в условиях развития индустриального общества связывало прогресс архитектуры с развитием технологий, научного мировоззрения и сциентизированного образа жизни [4, 13, 10]. Понятно, что стекло и бетон позволяют манипулировать архитектурной формой с гораздо большей легкостью и виртуозностью, чем песчаник, гранит или мрамор. Понятно и то, что из стекла и бетона строят утилитарно ориентированные «центры» современного социума (районы массового проживания, торговли, развлечений, транспортные узлы и инфраструктурные комплексы).

Положение современной архитектурной теории во многом напоминает положение естественно-научной механистической картины мира в середине XVIII века. Ее плодотворное развитие было более чем очевидно. Огромные успехи делали физика, химия, астрономия, ботаника и геометрия. Но прямо пропорционально этим успехам очевидным становился и факт методологического тупика для дальнейшего развития платформы научного познания, опирающейся на декартовско-ньютоновское толкование субъект-объектной модели универсума и пространственно-временного определения предмета познания. Потенциал геометризированной физики был недостаточен для дедуцирования целостности получаемой таким образом картины мира и самого этого мира как предмета такого познания, а также цельности и самоидентичности субъекта – человека. Только радикальный «коперниканский переворот» в самой исходной методологической установке позволил уже Канту выйти из сложившейся кризисной ситуации.

Ситуация в современной архитектуре во многом аналогична. Количественные показателистроек порой удивляют. Сегодня во всех развивающихся странах мира строительство – одна из самых динамично прогрессирующих отраслей экономики, привлекательных для огромных инвестиций. В современной России строительство – одна из самых прибыльных и динамично развивающихся отраслей производства [12]. Особенно если учесть, что все проектирование сегодня опирается на мощные информационные технологии, возможности кибермоделирования, специально разработанные компьютерные программы. Однако архитектура как область онтологического порождения пребывает в каком-то сиротливом положении. Чаще всего она попадает под прямое экспансионистское влияние инженерной мысли и «модных» прихотей заказчиков. Говорить сегодня о том, что архитектурная форма обрела в лице «высоких технологий» верного и надежного союзника, увы, не приходится.

Вот достаточно показательное с позиции констатации экспансии научной парадигмы архитектурного мышления определение архитектуроведения, которое приводит в своей книге Н. П. Овчинникова: «Архитектуроведение (или архитектурная наука) – это научные знания о прошлом, настоящем и будущем архитектуры: значительная их часть используется для проектирования, строительства, эксплуатации, переустройства и восстановления сооружений и комплексов, а также для обучения этим операциям и управлению архитектурно-строительной

сферой... Граница архитектуроведения с инженерно-строительными и другими науками – это достаточно широкая "диффузная полоса" с большим или меньшим проникновением внешних знаний в архитектурную науку. Например, точный расчет сложной конструкции – дело инженера, но законы функционирования этой конструкции и законы ее формы (включая размеры), а значит, и изображений (проекта, который опережающе отражает действительность) – это архитектурное знание» [11, с. 5]. На первый взгляд, в данном определении все элементы соответствуют реальности и полно отражают специфику современного этапа развития архитектуры и профессионального мышления проектировщиков. Однако разве архитектура – это только проект? Разве архитектурная форма не есть уникальное художественное произведение, обладающее собственным индивидуальным кодом «чтения», описания и трансляции во времени? Идентичность которого опирается на саму структуру или «грамматику», инициирующую соответствующие поля смыслов и штрихов Лица. Можно ли с помощью операционального технологизированного дискурса схватить данную индивидуальность и выразить не как пассивный объект, а как живой единичный голос в общем хоре культурного диалога той или иной эпохи? Не происходит ли в обозначенном выше сциентистском архитектуроведении подмена всеобщего как метода или закона собственного саморазвития и самоутверждения на уровне имманентного смысла всеобщим как формально-логической сообразностью и отсутствием противоречивости?

Такая подмена, с одной стороны, позволяет адаптироваться профессиональному сообществу к быстро меняющимся условиям социальной среды общества потребления (функционирование которого опирается на «логику» массового производства и клишированного потребления) и использовать достижения технических и естественных наук в области материаловедения и совершенствования строительных технологий. Но, с другой стороны, тем самым происходит исчезновение самой архитектуры как области реализации творчества в пространстве.

То, что сегодня в рамках противоречивой сциентистской традиции архитектуроведческого дискурса именуется «архитектурной формой», в действительности есть не более чем результат приложения процессов моделирования среды к области сооружения и строительства зданий и конструирования так называемого городского ландшафта или выработки модного ныне «дизайн-кода» города. Архитектурная форма в этих очень сложных условиях сегодняшнего отношения к архитектуре как средству создания безопасной и комфортной среды обитания широких социальных групп населения почти лишена внутреннего поля смыслов. И в этом одна из глубинных причин того, почему в обществе постмодерна и виртуальной коммуникации архитектура, как и любое иное художественное произведение, подвержена авторитарному господству времени.

Современная архитектурная форма не может достичь прорыва сквозь время, текущее в актуальное присутствие длящегося настоящего, которое традиционно в европейской метафизике и христианском богословии рассматривалось как образ Вечности. Поток внешних событий поглощает символическое действие формы; его просто нет. С этой точки зрения более востребованной представляется позиция отечественного исследователя И. А. Добрицыной, которая отмечает, что «для архитектуры принципиально важен концепт автопозитического наблюдателя, сконструированный постнеклассической философией и наукой. <...> Какая картина в таком случае вырисовывается? Как эволюционирует система архитектуры в "режиме обострения"? Действительно, архитектор все активнее занимается самоописанием, осмыслением

архитектурного процесса, познает себя как познающего, чему в значительной степени способствовала задача индивидуализации языка, выдвинутая в свое время постмодернистами. Можно говорить о неотделимости творческого созидания от творческого осознания собственной, философской по сути, позиции. Сохранить динамическое равновесие со все более агрессивным контекстом современной архитектура может только благодаря неустанному диалогу, "спасительному танцу", скорость которого в информационную эпоху возрастает. Зодчий находится в непрерывном диалоге с миром, но одновременно и с компонентами самой архитектуры, конституирующими ее как особую систему. Язык архитектора в этом диалоге – язык формы» [6, с. 380]. Именно диалог как всеобщая «формула» становления самосознания архитектурной реальности находит свое реальное подтверждение как в истории западноевропейского пространственного кода социальности, так и отечественного (если взять за основу анализа образцы храмового зодчества в разных культурных и географических ландшафтах страны). Отмеченный Добрицыной «автопозитизм» (автореференция) архитектурной формы как имманентно развертывающийся ее диалог и есть подлинная онтологическая основа самосознания архитектуры.

Характерное для современного этапа развития расширение границ архитектурологии и приращение ее предметного пространства венчаются проектами, практическая реализация которых представляется как демонстрация и доказательство объективности, состоятельности и наукоемкости полученного решения той или иной проблемы. Однако такая тенденция сама по себе всецело находится в русле сциентистского и сугубо функционалистского толкования задач архитектуры. Понятно, что для современного общества, в особенности в условиях развивающейся экономики, каковым выступает наша страна, главный результат и «продукт» научной деятельности должен обладать конвертируемыми свойствами. Архитектура в этом смысле – один из наиболее показательных примеров. Общественные заказы и ожидания образуют ту атмосферу, в которой осуществляется научный поиск в данной области знания. Но каково именно научное содержание такого знания – вопрос открытый. Институциональные параметры, включающие в себя выходы на прикладной уровень и «строительную площадку», сами находятся в плену определенного толкования и понятия науки об архитектуре, которое сформировалось в эпоху индустриализма и модерна и составило основание систематизации имевшихся разрозненных представлений о сущности архитектуры и ее исторического развития.

Мейнстрим современной архитектурной теории при всей своей полисемантической и явной перегруженности научными математизированными моделями и смыслами представляет собой хаотичное нагромождение следов как модернистской, так и постмодернистской парадигмы. Главная проблема, осмысление которой было предложено в данной статье, – противоречия научного дискурса архитектуроведения и собственного, исторически, культурно обусловленного, самосознания архитектуры, – сложилась именно на волне модерна как традиции формообразования и самого мировоззренческого вектора определенной эпохи (вторая половина XIX – первая половина XX века).

Разрешение данных противоречий методологического основания науки об архитектуре предполагает выявление авторефлексивных оснований знания об архитектурной реальности, форме и пр., которое изначально не инструментально, а соотносится с собственными образами и символами архитектуры, свидетельствующими об ее исторических метаморфозах. Безусловно, в контексте

происходящих ныне трансформаций в области науки в целом и отношения к ней самых разных социальных слоев и групп дифференциация теоретического фундаментального пласта знания и прикладного чрезвычайно усложнилась. Но вместе с тем сама потребность в прояснении корневых оснований архитектуры не только сохраняется как критерий и признак академической идентичности, но и вполне уверенно звучит на уровне поиска возможных сценариев будущего развития данной отрасли общественной жизнедеятельности, производства, социального обмена, информационных потоков и переустройства жизненной среды человека.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет / М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1975. – С. 6–71.
2. Башляр, Г. Избранное: поэтика пространства. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 376 с.
3. Габричевский, А. Г. Морфология искусства. – Москва : Аграф, 2002. – 864 с.
4. Гропиус, В. Индустрия жилища // Мастера архитектуры об архитектуре. – Москва : Искусство, 1972. – С. 343.
5. Дженкс, Ч. Язык архитектуры постмодернизма. – Москва : Стройиздат, 1985. – 136 с.
6. Добрицына, И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: архитектура в контексте современной философии и науки. – Москва : Прогресс-традиция, 2004. – 416 с.
7. Иконников, А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. – Москва : КомКнига, 2006. – 352 с.
8. Кияненко, К. В. Архитектурное образование как объект академических исследований и рефлексии // Архитектура и строительство России. – 2017. № 2 (222). – URL: <http://www.asrmag.ru/RUS-2017.pdf> (дата обращения: 21.02.2018).
9. Лосев, А. Ф. Диалектика художественной формы // Форма – стиль – выражение / А. Лосев. – Москва : Мысль, 1995. С. 5-296.
10. Мендельсон, Э. Проблемы новой архитектуры // Мастера архитектуры об архитектуре. – Москва : Искусство, 1972. – С. 306–310.
11. Овчинникова, Н. П. Основы науковедения архитектуры. – Санкт-Петербург : СПбГАСУ, 2011. – 288 с.
12. Российский статистический ежегодник. 2017 : Стат. сб. – Москва : Росстат, 2017. – 686 с.
13. Салливан, Л. Г. Функция и форма // Мастера архитектуры об архитектуре. – Москва : Искусство, 1972. – С. 46–52.
14. СанOFF, Г. Прошлое и будущее архитектурного образования // Архитектура и строительство России. – 2017. – № 2 (222). – URL: http://www.asrmag.ru/2-2017/Sanoff_2-2017.pdf (дата обращения: 21.02.2018).
15. Шангареев, Р. Р., Метленков, Н. Ф. Парадигмальные параметры архитектуры постиндустриального общества // Архитектура и строительство России. – 2015. – № 11–12. – С. 215–216.
16. Шпет, Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 712 с.
17. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. – 544 с.
18. Kimball, F. The Creation of the Rococo. Philadelphia: Philadelphia museum of art. – Portland : Printed by The Southworth-Anthoensen Press, 1943. – 350 p.
19. Norberg-Schulz, Cr. Genius Loci. Towards a phenomenology of architecture. – New York : Rizzoli, 1980. – 212 p.

References

- Bachelard, G. (2004). *Izbrannoe: Poetika prostranstva [Selected works: The poetics of space]*. Moscow: Russian political encyclopedia.
- Bakhtin, M. M. (1975). Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [The problem of content, material and form in verbal artistic creativity]. In *Questions of literature and aesthetics. Works of different years* (pp. 6-71). Moscow: Khudozhestvennaya Literatura.
- Dobritsyna, I. A. (2004). *Ot postmodernizma k nelineinoi arkhitekture: Arkhitektura v kontekste sovremennoi filosofii i nauki [From postmodernism to nonlinear architecture: Architecture in the context of modern philosophy and science]*. Moscow: Progress-tradition.
- Eco, U. (2004). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [The absent structure. Introduction to semiology]*. SPb: Symposium.
- Gabrichesky, A. G. (2002). *Morfologiya iskusstva [Morphology of art]*. Moscow: Agraf.
- Gropius, W. (1972). Industriya zhilishcha [Housing industry]. In *Masters of architecture about architecture* (p. 343). Moscow: Iskusstvo.
- Ikonnikov, A.V. (2006). *Prostranstvo i forma v arkhitekture i gradostroitelstve [Space and form in architecture and urban planning]*. Moscow: KomKniga.
- Jencks, C. (1985). *Yazyk arkhitektury postmoderna [The Language of Post-Modern Architecture]*. Moscow: Stroyizdat.
- Kimball, F. (1943). *The Creation of the Rococo*. Philadelphia: Philadelphia museum of art; Portland: Southworth-Anthoensen Press.
- Kiyanenkov, K. V. (2017). *Architectural education as a subject of academic research and reflection. Architecture and construction of Russia, 2(222)*. Retrieved February 21, 2018, from <http://www.asrmag.ru/RUS-2017.pdf>
- Losev, A. F. (1995). *Dialektika khudozhestvennoy formy [The dialectics of art form]*. In *Form – style – expression* (pp. 5-296). Moscow: Mysl.
- Mendelson, E. (1972). *Problemy novoi arkhitektury [The problems of a new architecture]*. In *Masters of architecture about architecture* (pp. 306-310). Moscow: Iskusstvo.
- Norberg-Schulz, Chr. (1980). *Genius Loci: Towards a phenomenology of architecture*. New York: Rizzoli.
- Ovchinnikova, N. P. (2011). *Osnovy naukovedeniya arkhitektury [Fundamentals of architecture studies]*. SPb: SPSUACE.
- Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik [Russian Statistical Annual Book]. (2017). Moscow: Rosstat.
- Sanoff, H. (2017). *The History and Future of Architectural Education. Architecture and construction of Russia, 2(222)*. Retrieved February 21, 2018, from http://www.asrmag.ru/2-2017/Sanoff_2-2017.pdf
- Shangareev, R., & Metlenkov, N. (2015). *Paradigm parameters of architecture of postindustrial society. Architecture and construction of Russia, 11-12(215-216)*. Retrieved February 21, 2018, from http://www.asrmag.ru/ann-rus_1-12_2015.pdf
- Shpet, G. G. (2007). *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kultury [Art as a form of knowledge. Selected works on the philosophy of culture]*. Moscow: Russian political encyclopedia.
- Sullivan, L. G. (1972). *Function and form*. In *Masters of architecture about architecture* (pp. 46-52). Moscow: Iskusstvo.